

УДК 811.161.1.373.2

И. Н. Апоненко

ГУ «Днепропетровская медицинская академия МЗ Украины»

НОВАТОРСТВО И ОТНОШЕНИЕ К ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. С. ПЕТРУШЕВСКОЙ (на материале собственных имен сказки «Спасенный»)

Рассмотрены новаторские и традиционные черты сказки Л. С. Петрушевской «Спасенный». Проанализированы хронотопические уровни сказки, ее художественное своеобразие, реальные условия бытования легенды; исследована специфика употребления собственных имен сказочных персонажей.

Ключевые слова: традиция, сказка, легенда, аллюзия, собственное имя.

Апоненко І. М. «Дніпропетровська медична академія МОЗ України». **НОВАТОРСТВО Й СТАВЛЕННЯ ДО ТРАДИЦІЙНОЇ КУЛЬТУРИ У ТВОРЧОСТІ Л. С. ПЕТРУШЕВСЬКОЇ** (на матеріалі власних імен казки «Врятований»)

Розглянуто новаторські і традиційні риси казки Л. С. Петрушевської «Врятований». Проаналізовано хронотопічні рівні казки, її художню своєрідність, реальні умови відтворення легенди, встановлено специфіку використання власних імен казкових персонажів.

Ключові слова: традиція, казка, легенда, алюзія, власне ім'я.

Aponenko I. N. The public office «Dnepropetrovsk medical academy of the Ukrainian Ministry of Health». **INNOVATION AND ATTITUDE TOWARD TRADITIONAL CULTURE IN THE ART BY L. S. PETRUSHEVSKAYA** (based on the material of proper names of the tale «Savee»)

In the article, innovative and traditional features of the tale by Liudmila Petrushevskaya «Savee» are considered. Works by researchers of the writer's art are analyzed, autobiographic materials are being studied. Innovation and traditions are considered from the point of view of such categories of literature as space and time, which are in the tale the basic ones. We study the motive of bi-worldness of modern part of the tale «Savee» and otherworld, which has an dedicated influence on the main character's behavior, on fullness of onim space of the tale. Our attention is paid on precedent folklore and literature traditions of the XIX and XX centuries. The tale «Savee» by L. S. Petrushevskaya is many-sided and multivalued, that is why the study of chatacters' naming is represented together with folklore, literature traditions and modern peculiarities of naming: introduction of names in retrospective-situational plan, using of onimization of appellatives, diminutive-hypocoristic names, names correlation, the using of allusive functions of names. One more bright means of expression of the author's position are comments-digression, included in the tale in terms of introductory constructions.

Key words: tradition, fairy-tale, legend, allusion, proper name.

Творчество Людмилы Петрушевской до сегодняшнего дня вызывает множество противоречивых раздумий, мнений, оценок. Л. С. Петрушевская прославилась среди читательской аудитории как автор знаменитых, хорошо узнаваемых по специфике стиля рассказов и повестей «другой прозы», а также как умелый сказочник – автор сказок для детей и взрослых. Жанр сказки дал писательнице возможность раскрыть свой метафорический взгляд на современное общество [9, с. 311]. Ведь за условно-сказочными приключениями людей, вещей, кукол, волшебников и колдунов стоят извечные человеческие чувства и социально-бытовые взаимоотношения. Этот «сказочный» мир, как пишет Л. В. Овчинникова, может быть охарактеризован как мир, в котором сосуществуют волшебство и жестокость [3, с. 210].

Л. С. Петрушевская при помощи условных схем (объединение в разных сочетаниях элементов бытовой сатирической повести, новеллистической сказки, сказки о животных, анекдота, легенды, басни, притчи) рисует истинное лицо нашего мира, показывает, что большинство современных людей живет бездуховной жизнью, а такие вечные ценности, как добро, любовь, красота, милосердие и даже естественная признательность, становятся смешной редкостью, даже сказочной выдумкой [3, с. 210].

Ольга Славникова в статье «Петрушевская и пустота» считает, что «произведения Людмилы Петрушевской выразили распад окружающей действительности – и сами заразились этим распадом...» [7, с. 59]. Автор этой статьи указывает также на то, что сказки Петрушевской не развлекательные и не детские, так как построены на детских кошмарах, благополучно забываемых взрослым человеком [Там же, с. 58].

М. П. Шустов подчеркивает, что Л. С. Петрушевская игнорирует законы литературной сказки и «это приводит к разрушению традиционного жанра, особенно тогда, когда автору не терпится показать волшебство без границ» [10].

Однако какими бы ни были высказывания критиков и литературоведов по поводу творчества писательницы, сказочный талант Л. С. Петрушевской бесспорен, а сказки всё ещё остаются недостаточно изученными, поэтому тема настоящей статьи является достаточно актуальной.

Целью статьи является изучение введения традиционных и использование новаторских методов обыгрывания собственных имен (СИ), а также исследование художественного мира писательницы и ее творчества на примере сказочного произведения «Спасенный».

Первые сказки написаны Людмилой Петрушевской в середине 1960-х, когда родился её старший сын Кирилл. «Регулярно я стала записывать сказки после 1977 года, – вспоминает писательница, – когда второй сын, Федя, уже начал что-то понимать. Почти каждый вечер я рассказывала ему на ночь сказку. Когда появилась дочь Наташа, это стало просто их правом – на ночь новую сказку. Основное я не успела записать, было некогда» [5].

Десятки лет писательница рассказывала сказки на ночь, последнюю, как она пишет, когда дочери Наташе было пятнадцать, а Феде двадцать один: «...мы гуляли теплой ночью по душистым сухим холмам Коктебеля в виду лунного моря, и они вдруг запросили: “Ма, сказку”. И я завела длинную историю про исчезающий дом, потому что мы как раз вышли к белому призраку без стекол и крыши, к недостройке в три этажа... Я назвала эту сказку “Спасенный”» [Там же].

Сказка «Спасенный» представляет собой синтез собственно-авторских и традиционных черт, которые проявляются на разных уровнях текста.

Так, категории пространства и времени – одни из самых важных структурно-жанрообразующих сказочных элементов. По сравнению с традиционным сказочным зачином «близко ли, далеко ли», пространство у Л. С. Петрушевской находится в реальном, узнаваемом мире. Как пишет И. Я. Хубицка, появляются новые, несвойственные волшебной сказке топосы: школа, больничная палата и др. [9, с. 314]. В нашем случае – это многоэтажный дом, гараж, детский лагерь, спасательная станция: «...он бы там ездил на машине в университет, играл на рояле» [4, с. 86].

Что касается географического положения, которое послужило фоном произведения, то читатель может только догадываться, о каком «маленьком приморском поселке» идёт речь. Однако, зная предысторию сказки, мы можем точно сказать, что это Коктебель. Помимо основного места развития сказочного сюжета, упоминается о том, что герои прибыли из другого города, который был разрушен землетрясением (Возможно, имелось в виду землетрясение в Армении. – И. А.).

Одним из основных мотивов в сказках Людмилы Петрушевской является мотив двоимирия, используемый писателями в литературных сказках XIX–XX вв. (например, «Черная курица, или Подземные жители» А. Погорельского и др.). Сказка «Спасенный» содержит два хронотопических уровня – земной и потусторонний. И. Я. Хубицка пишет о том, что такие топосы, как «другой город» и «загробный мир», играют знаменательную роль в осуществлении творческого замысла Петрушевской. Героям Л. С. Петрушевской приходится переступать границу между этими двумя мирами и, по возможности, вернуться обратно [9, с. 317]. Так это представлено в исследуемой сказке: *«Только в лунные ночи случаются такие происшествия, и в маленьком приморском поселке стали происходить в самую глухую пору странные вещи – вроде бы выросал сам собою дом из дикого камня, почти крепость, зияющий черными провалами вместо окон и дверей, но высотой в три этажа и под крепкой крышей – он стоял, освещенный лунной, и исчезал как призрак с первыми волнами рассвета»* [4, с. 84].

Потусторонний мир сказки связан Л. С. Петрушевской с жанровой доминантой – легендой, которую «проживает» главный герой сказки юноша Кит: *«Там, говорят, стоял дом, и там один брат убил ребенка другого брата... Дом сгорел в результате. И никому не разрешали селиться на улице Палисандр. И тут построились совсем новые люди, вроде нас, потому что поселковые избегают этого места... Кто-то проклял его, сказал, что если дом вернется на прежнее место, начнется власть убийц. И у каждого будет право на три убийства. Но не своей рукой. Как-то так. С помощью чего-то постороннего. Кто что придумает, кто яд, кто умную клевету. Кто тайное облучение... И один спасенный должен был встать против них, держа в руке крест. Такая легенда»* [Там же, с. 110–111]. Таким образом, автор создает, по мнению Е. А. Плотниковой, практически реальные условия бытования легенды [6, с. 15]. Присутствуют в сказке и элементы страшилки, своего рода знаки сверхъестественных событий, которые представлены традиционными в «страшном» фольклоре образами (руки, портрета, пятна) [6, с. 15].

В реальном уровне повествования практически все так и происходит. Главный герой – мальчик-старшеклассник Кит как бы «опосредованно» совершает три убийства и происходит это «при помощи» неизвестной ему рыбы, которую отбирают у него хулиганы: *«Компания их четырех приятелей выпила спирт и закусила жареной рыбкой (тракторист отказался), после чего данный тракторист вынужден был свезти этих друзей в лазарет, где они быстро отправились в лучший мир»* [4, с. 100]. Что это за рыба объясняется далее в речи одного из персонажей: *«А те три парня, это уже пришла власть убийц. Это не считается. Это знаменитая рыба, ее надо знать. Рыба фугу¹»* [Там же, с. 104]. В конце сказки все так и происходит, как говорится в легенде: *«Луч упирался ему в грудь, прямо в нательный крестик, и плясал, стараясь увильнуть. Кит шел напрямую через заросли и холмы, шел по лучу... сколько длилось это путешествие, он не помнил, но вдруг очнулся и видел, что луча больше нет. На груди у Кита дымилась глубокая ранка, поверх нее блестел нательный крестик»* [Там же, с. 107].

¹ Фугу (яп. 河豚: ふぐ) – блюдо японской кухни из некоторых видов ядовитых рыб семейства иглобрюхих (*Tetraodontidae*), содержащих яд тетродотоксин. Также часто «рыбой фугу» называют множество видов рыб этого семейства. В Японии фугу считается деликатесом и пользуется большой популярностью. Рыба фугу содержит смертельную дозу тетродотоксина во внутренних органах, в основном в печени и икре, желчном пузыре и коже. Печень и икру рыбы фугу нельзя употреблять в пищу вообще, остальные части тела – после тщательной специальной обработки (Ru.wikipedia.org/wiki/Фу́гу).

То, что он возможно и есть тот спасенный, сообщается как в названии сказки, так и в речи автора при представлении героя в ретроспективно-ситуативном плане: «*Но у Лизаветы и ее сына и было прозвище «спасенные», и в школе Кита так и называли: «Ну ты, спасенный, дай списать».* Их так прозвали, потому что местные туманно помнили историю юной Лизаветы, прибывшей в поселок с сыном – из вещей у них имелся только пакет со справкой, что они **спасены** при землетрясении» [4, с. 88]. Таким образом, и название сказки, и прозвище героев соотносятся с происшествием из их прошлого.

В онимное пространство сказки Л. С. Петрушевская традиционно вводит одночленные СИ главных героев: **Лизавета (Лиза)** и **Кит**. Собственное имя **Лизавета** является бытовым, народным вариантом, а **Лиза** – сокращенно-уменьшительным вариантом имени **Елизавета**. Имя **Кит** – это, скорее всего, сокращенный вариант имени **Никита** (из греч. *никетас* – победитель) [8, с. 252]. Этимология имени «победитель» определяет и действия главного героя – победу над злом, потусторонним миром.

В народных сказках достаточно часто представлена онимизация апеллятивов, и Людмила Петрушевская вновь возвращается к использованию нарицательных имён в качестве собственных, как это было в дохристианской Руси, что и отразили русские народные сказки (например, **Козёл**, **Баран**, **Дубынюшка** и др. – неканонические имена из сборника сказок А. Н. Афанасьева [1]).

Кроме этого, Л. С. Петрушевская в сказке «Спасенный» использует и соотношенность названий, омонимию имен, то есть одинаково звучащие имена соотносятся автором с объектами различных полей ономастического пространства: **улица Палисандр – семейство Палисандр – мачеха Палисандрия**. Данные наименования являются отапеллятивными и восходят к нарицательному «палисандр» (фр. *palissandre*), которое обозначает название древесины пород тропических деревьев. Такое введение СИ не характерно для традиционной сказки и только подчеркивает современное звучание авторского текста.

Автор также вводит и СИ внесюжетного персонажа, тем самым активизируя аллюзивную функцию СИ, акцентируя таким образом внимание читателя на образованности главного героя: «...мальчишка и сам полюбил, сидя в лодке на рассвете далеко от берега, насвистывать **Моцарта**» [4, с. 87].

Еще одним ярким средством выражения авторской позиции являются комментарии-отступления, включенные в сказку в виде вводных конструкций, синтаксически оформленных скобками: «Кит устремился за этим страшным коконом, ухватил развевающийся край ткани и подтянулся к телу (*а это было тело, завернутое с головой*)» [Там же, с. 95]; «В обязанности Лизы входило после ежедневной уборки кормить обессиленную больную (*в основном лекарствами*), сама Палисандрия к девочке не прикасалась, в кухню не заходила и никогда ничего не ела («*У меня такая диета*», – со смехом говорила эта слишком молодая мать)» [Там же, с. 104]. Помимо таких небольших, часто грустных и иронических комментариев по ходу развивающихся событий в текст сказки писательница включила достаточно объемный абзац, также ограничив его скобками: («*Лиза сходила и закопала эти витамины на местном кладбище, неизвестно почему. То есть она подумала, что в любом другом месте вдруг да кто-то лет сто спустя начнет копать колодец или что-то сажать – а на кладбище и так уже все умершие, и яд им не повредит. Со времен землетрясения Лиза хорошо предчувствовала последствия тех или иных человеческих действий. Кроме того, Лиза просто была очень умная, она уже убирала в доме и видела на третьем этаже больную девочку – эти же витамины стояли на ее столике*») [Там же, с. 103.].

Автор-рассказчик подобными средствами устанавливает доверительные отношения с читателями [3, с. 213], высказывая свое мнение, часто с позиции героев.

Сказка Л. С. Петрушевской «Спасенный» построена на основе художественного синтеза, в ней представлены традиции народной волшебной сказки, легенды, элементы страшилок и фэнтези, все это отразилось и на специфике собственных имен: введение имен в ретроспективно-ситуативном плане, употребление онимизации апеллятивов и уменьшительно-ласкательных имен, использование аллюзивной функции, соотносительность имен, комментарии-отступления и др. Сказка в художественном мире Людмилы Петрушевской модернизирована, это уже современная история на основе объединения элементов разных жанров фольклора и литературы.

Современные сказочные произведения писательницы многогранные, многозначные и часто необычные, поэтому изучение наименований героев в комплексе современных методов литературоведения и поэтонимии представляется перспективными.

Библиографические ссылки

1. **Афанасьев А. Н.** Народные русские сказки : в 3-х т. / А. Н. Афанасьев. – М. : Наука, 1985.
2. **Лебёдушкина О.** Шехерезада жива, пока... О новых сказочниках и сказках [Электронный ресурс] / О. Лебёдушкина. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/druzhba/2007/3/le12.html>
3. **Овчинникова Л. В.** Русская литературная сказка XX века. История, классификация, поэтика : учеб. пособие / Л. В. Овчинникова. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 312 с.
4. **Петрушевская Л.** Спасенный / Л. Петрушевская // Завещание старого монаха : рассказы из иной реальности. – М. : Вагриус, 2003. – С. 84–112.
5. **Петрушевская Л. С.** Лекция о жанрах / Л. С. Петрушевская // Девятый том. – М. : Эксмо, 2003. – С. 318–331.
6. **Плотникова Е. А.** «Настоящие сказки» Л. С. Петрушевской в контексте традиционной культуры : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / Е. А. Плотникова. – Ульяновск, 2011. – 27 с.
7. **Славникова О.** Петрушевская и пустота / О. Славникова // Вопр. литературы. – 2000. – № 2. – С. 47–61.
8. **Суперанская А. В.** Словарь русских имен / А. В. Суперанская. – М. : Эксмо, 2005. – 448 с.
9. **Хубицка И. Я.** Городские топосы в сказках Л. Петрушевской / И. Я. Хубицка // Актуальні проблеми слов'янської філології. – 2010. – Вип. XXIII. – Част. 2. – С. 311–321.
10. **Шустов М. П.** Своеобразие сказок Л. Петрушевской / М. П. Шустов // Материалы к самостоятельной работе студентов-филологов по литературе на заочном отделении. Вып. V. – Н. Новгород, 2006. – С. 76.

References

1. Afanasyev, A. N. (1985), *Folk Russian tales: in 3 vol.* [*Narodnye russkie skazki: v 3 t.*], Moscow.
2. Lebyodushkina, O. (2007), “Scheherezade is alive, till... About the new fantasists and tales” [“Sheherezada zhiva, пока... О novyh skazochnikah i skazkah”], available at: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2007/3/le12.html>
3. Ovchinnikova, L. V. (2003), *The Russian Literary Tale of the XX century. History, classification, poetics* [*Russkaja literaturnaja skazka XX veka. Istorija, klassifikacija, pojetika*], Moscow, 312 p.
4. Petrushevskaya, L. (2003), “Savee”, *The last will of an old monk: Stories from the other reality* [*Spasennyj, Zaveshhanie starogo monaha: Rasskazy iz inoj real'nosti*], Moscow, pp. 84–112.
5. Petrushevskaya, L. S. (2003), “Lecture of genres”, *The 9th volume* [“Lekcija o zhanrah”, *Devjatyj tom*], Moscow, pp. 318–331.

6. Plotnikova, E. A. (2011), "True tales" by L. S. Petrushevskaya in the context of traditional culture: Author's thesis ["Nastojashhie skazki" L. S. Petrushevskoj v kontekste tradicionnoj kul'tury: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk], Ulyanovsk, 27 p.
7. Slavnikova, O. (2000), "Petrushevskaya and emptiness", *The questions of literature* ["Petrushevskaja i pustota", *Voprosy literatury*], № 2, pp. 47–61.
8. Superanskaya, A. V. (2005), *The dictionary of the Russian names* [*Slovar' russkih imen*], Moscow, 448 p.
9. Khubitska, I. (2010), "The city toposes in the tales by L. Petrushevskaya", *Actual problems of the Slavic philology* ["Gorodskie toposy v skazkah L. Petrushevskoj", *Aktual'ni problemi slov'jans'koj filologii*], Release XXIII, Part 2, pp. 311–321.
10. Shustov, M. P. (2006), *Singularity of tales by L. Petrushevskaya* [*Svoeobrazie skazok L. Petrushevskoj*], Release V. – N. Novgorod, p. 76.

Надійшла до редколегії: 23.12.2016

УДК 372.881.111.1

Н. В. Бурлаченко

Коледж Національного фармацевтичного університету (м. Харків)

ВИКОРИСТАННЯ ІННОВАЦІЙНИХ ТЕХНОЛОГІЙ У ПРОЦЕСІ ВИВЧЕННЯ ІНОЗЕМНОЇ МОВИ

Розглянуто перспективи та виявлено проблеми використання інноваційних технологій в освіті загалом та під час вивчення іноземної мови зокрема. Здійснено аналіз досвіду вітчизняних науковців щодо використання інформаційно-комунікаційних технологій в навчанні іноземної мови. Охарактеризовано напрямки та можливості використання інноваційних технологій під час викладання іноземної мови у вищих навчальних закладах України.

Ключові слова: інноваційні освітні технології, проектування, інформаційно-комунікаційні технології, Інтернет-бібліотека, інформаційно-освітнє середовище, мультимедіа.

Бурлаченко Н. В. Колледж Национального фармацевтического университета (г. Харьков). **ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА**

Рассмотрены перспективы и выявлены проблемы использования инновационных технологий в образовании в целом и при изучении иностранного языка в частности. Проанализирован опыт отечественных ученых по использованию информационно-коммуникационных технологий в обучении иностранному языку. Охарактеризованы направления и возможности использования инновационных технологий при преподавании иностранного языка в высших учебных заведениях Украины.

Ключевые слова: инновационные образовательные технологии, проектирование, информационно-коммуникационные технологии, Интернет-библиотека, информационно-образовательная среда, мультимедиа.

Burlachenko N. V. College of the National Pharmaceutical University (Kharkov). **THE USE OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF LEARNING FOREIGN LANGUAGE**

The article describes the prospects and problems identified in the use of innovative technologies in education in general and in the study of foreign languages in particular. The analysis of the experience of national scientists on the use of ICT in teaching foreign languages. Characterized areas and the possibility of using innovative technologies in teaching foreign languages in higher educational institutions of Ukraine. The aim of our study is to identify opportunities for the use of computer learning tools in the study of a foreign language. The introduction of ICT in the learning process requires the development and practical application of scientific and methodological support,